

Прошло ещё несколько дней, и наступил конец года.

«Двадцать третьего — клеим сахарные тыквы; двадцать четвёртого — убираем дом; двадцать пятого — делаем тофу; двадцать шестого — тушим свинину...»

Цэньэр подпёр подбородок рукой и смотрел, как Цяо Си во дворе рубит мясо, бормоча что-то себе под нос, полностью сосредоточенный и серьёзный. Цэньэр не удержался и с любопытством спросил:

— Си-гэ, что ты говоришь?

— Новогодняя считалочка, разве ты её не слышал? — Цяо Си вытер пот со лба рукавом. — Начиная с сегодняшнего дня мы будем заняты до самого Нового года!

Цэньэр послушно кивнул, а затем спросил:

— Значит, мы приготовим много вкусной еды?

— Конечно! — Цяо Си даже не поднял головы. — Все трудились целый год и хотят насладиться благословением «изобилия из года в год». К тому же многие члены семьи работают далеко от дома — только во время Нового года все могут собраться вместе и по-настоящему пообедать!

Цэньэр замолчал.

Во дворце Новый год действительно был самыми счастливыми днями в году.

Потому что с кануна Нового года до Праздника фонарей пятнадцатого числа можно было не только есть много вкусного, но и не ругаться, даже если не учился и не делал уроки.

Он мог играть в своё удовольствие, спать до самого обеда, и, самое главное, его отец, обычно обременённый бесконечными государственными делами, наконец откладывал бесконечные доклады и находил время, чтобы покататься с ним на лошадях и пострелять из лука.

Думая об этом, Цэньэр опустил руку, которой подпирал лицо, лёг и тихо прикрыл лицо рукавом, чтобы никто не увидел.

Он очень скучал по отцу.

Даже если он никогда не говорил об этом, Цэньэр всегда тайно тосковал по нему в своём сердце и часто видел его во сне.

Цяо Си заметил его внезапное молчание. Когда он поднял голову и увидел, что Цэньэр сидит, опустив голову, и молчит, он примерно догадался, что мальчик, вероятно, скучает по семье. Он тяжело вздохнул про себя, мысленно ругая себя за бестактность — зачем он заговорил о праздничном ужине при ребёнке, который только что потерял близких?

— Эм... — Цяо Си не очень умел утешать людей, поэтому неловко сменил тему: — Есть что-нибудь, что ты хочешь съесть? Я могу это для тебя приготовить.

— Засахаренные семечки, жареный арахис, сладкие лепёшки, пирожные со сливой...

И правда, ребёнок есть ребёнок. При упоминании вкусностей Цэньэр мгновенно отвлёкся от

своей печали и взволнованно спросил:

— Тогда... тогда можно мне попросить всё сразу!?

— Это уже жадность, — Цяо Си кивнул, нисколько не сдерживаясь. — Если бы был обычный день, я бы тебя отчитал. Но... для детей на Новый год делают исключения. Так что, конечно, можно.

Цэньэр радостно воскликнул — он знал, что Си-гэ только притворяется строгим на словах, а на самом деле у него самое доброе сердце!

Видя его таким счастливым, Цяо Си тоже рассмеялся. Но в следующую секунду его выражение лица изменилось, и он властно приказал:

— Раз уж тебе всё равно нечем заняться, возьми эту миску с кормом и покорми кур.

Цэньэр очень любил кормить маленьких животных и с готовностью вызвался, пообещав, что сделает всё хорошо. Радостно обняв миску, он побежал, гоняясь за цыплятами по всему двору.

Пока его не было, Шэнь Игуан тихо сел за стол и искренне сказал:

— Спасибо.

— С тех пор как он пришёл в твой дом, Цэньэр стал намного счастливее.

Руки, когда-то державшие меч и копье, теперь косили траву и кормили свиней, но Шэнь Игуан не находил в этом ничего плохого — наоборот, он чувствовал покой и удовлетворение.

Как молодой господин из знатной семьи, он никогда не знал деревенской жизни. Он думал, что это будет невыносимо, но, прожив здесь, понял, что на самом деле всё не так уж и плохо.

Он даже подумал: если однажды ему больше не нужно будет воевать, не нужно будет защищать империю для Его Величества, то он выберет сложить доспехи и вернуться в деревню, подальше от двора.

Тогда он купит дом с двумя дворами и большим двором в деревне, посадит несколько му земли овощей, заведёт кур, уток, кошек и собак. Если останутся силы, можно будет вырастить несколько видов цветов — неважно каких, лишь бы они цвели ярко и живо.

Затем он пригласит несколько друзей на встречи, выпьет вина, поест жареного мяса и будет жить свободно и комфортно.

Ах да, Цяо Си, кажется, очень любит столярное дело — тогда он сможет сделать ему что-нибудь...

Когда он думал об этом, он вдруг остановился.

Прежде чем Шэнь Игуан осознал, как далеко в будущее он заглянул, он с удивлением понял, что уже вписал Цяо Си в свою жизнь на десятилетия вперёд.

Это было неправильно.

Шэнь Игуан безмолвно напомнил себе.

Он ясно знал в своём сердце, что через год он уйдёт. После этого он по-прежнему будет великим генералом, а Цяо Си останется в деревне Таое, продолжая свою спокойную и тихую жизнь. Они могли больше никогда не встретиться.

Они были людьми из совершенно разных миров — между ними не должно было быть никакого пересечения.

Но он не мог объяснить, почему инстинктивно поместил Цяо Си в свою воображаемую жизнь на пенсии — так естественно, так бесшовно, без малейшего колебания.

Шэнь Игуан стоял в оцепенении, погружённый в свои мысли, пока не почувствовал, как кто-то тянет его за штанину. Он опустил голову и пришёл в себя, поняв, что это были поросёта, голодные и с нетерпением смотревшие на ведро с кормом в его руке своими круглыми чёрными глазами, причмокивая, чтобы показать, что хотят есть.

— Вы, маленькие, довольно умны, — сказал Шэнь Игуан с улыбкой, выливая пойло в деревянное корыто, приготовленное Цяо Си. Он смотрел, как поросёта виляют короткими хвостиками, толкаясь и протискиваясь, чтобы получить свою долю еды.

Как раз когда он задумался, внезапная острая боль пронзила его сердце. Шэнь Игуан схватился за грудь и отшатнулся на шаг. Ведро в его руке с грохотом упало на землю, и он выкашлял горячую кровь, которая брызнула на близлежащий белый снег, ярко выделяясь.

— Дядя выплюнул кровь!

Услышав шум, Цэньэр обернулся и тревожно закричал.

Цяо Си быстро отложил нож и подбежал, вытирая руки о грубый фартук, повязанный вокруг талии. Он поддержал Шэнь Игуана, чтобы тот сел за каменный стол, и сказал Цэньэру:

— Быстро принеси воды!

В глазах потемнело, в груди сдавило, словно нечем дышать, в ушах стоял гул. Если бы Цяо Си не держал его, Шэнь Игуан давно бы рухнул.

Только выпив горячей воды, которую подал Цэньэр, и почувствовав, как тепло медленно разливается по телу, он наконец начал чувствовать себя лучше.

— Ты в порядке? — спросил Цяо Си с беспокойством на лице. — Может, старая рана дала о себе знать?

— Я схожу за доктором Линем!

Он повернулся, чтобы уйти, но Шэнь Игуан схватил его одной рукой и покачал бледным лицом:

— Не нужно.

— Со мной всё в порядке.

Как человек, занимающийся боевыми искусствами, Шэнь Игуан прекрасно знал своё физическое состояние. Его раны давно зажили — даже если внутренняя энергия ещё не полностью восстановилась и нужен отдых, невозможно было выплюнуть кровь без причины. Должна быть другая причина.

Говорят, что у членов семьи есть особая духовная связь. В день, когда его отец и старший брат пали в бою, он чувствовал себя так же плохо, находясь дома.

Шэнь Игуан поднял взгляд и посмотрел вдаль, на север — в сторону столицы.

Он мог только надеяться, что Се Бичи не подведёт его доверие.

Приближался Новый год. В деревне Тао из труб каждого дома вился дымок, все суетливо готовились к предстоящему празднику. Мужчины и женщины были заняты бесконечными делами, и только дети, беззаботные и свободные, носились по деревне.

Иногда взрослые находили их надоедливymi и просто выгоняли на улицу до темноты, чтобы они не только не мешали, но и потому, что с трудом добытых новогодних припасов не хватило бы, если бы эти маленькие сорванцы до них добрались.

Тао Инь был одним из таких. Хотя он был уже не таким уж маленьким, дома его всё равно считали ребёнком. Поэтому любящие старшие братья и сёстры сунули ему в руки немного сладостей и выгнали рано, запретив устраивать беспорядок.

Ему некуда было идти, и он не хотел тусоваться с кучей малышей, поэтому он просто забежал к Цяо Си.

— Так вкусно!

Тао Инь держал тарелку с хрустящими жареными завитушками, ел, не поднимая головы, надув щёки и блестя губами от масла. Жуя, он спросил:

— Как это у тебя готовка вдруг стала такой вкусной?

— Я помню, ты раньше не умел ничего этого готовить. Еда, которую ты делал, даже собакам была не по вкусу.

Он имел в виду того бедного большого чёрного пса, генерала Цяо. За эти годы генерал Цяо много натерпелся от Цяо Си.

Хотя бывший Цяо Си не издевался над ним специально, его ужасная готовка была хуже издевательств.

Цяо Си повернул голову, чтобы взглянуть на теперь уже лоснящегося и блестящего генерала Цяо, и подумал про себя — неудивительно, что он раньше был таким тощим. Действительно, даже собака не стала бы есть его еду.

Чтобы отвязаться от Тао Иня, Цяо Си выдумал что-то на ходу:

— Я случайно встретил мастера-повара, когда ходил в город, и он дал мне несколько советов.

— ...А, — рассеянно кивнул Тао Инь, уткнувшись носом в еду, не особенно слушая.

Жуя завитушки, он повернулся и увидел, как Цэньэр играет во дворе с генералом Цяо. Увидев, какой он особенно милый, Тао Инь не удержался и поддразнил его:

— Эй, малыш!

Цэньэр обернулся на голос:

— Братец, ты меня зовёшь?

— Именно! — улыбнулся Тао Инь и поманил его пальцем. — Иди сюда~

Он выглядел так, будто подзывал маленького щенка, но Цэньэр не обиделся. Он послушно подошёл и остановился.

— Хороший мальчик! — Тао Инь протянул руку и ущипнул его за щёку.

В следующее мгновение в руке Цэньэра оказалось несколько кусочков мёдово-молочных конфет с боярышником.

Цэньэр пробовал их однажды и с тех пор думал о них. Это было нечто особенное — даже наполовину не так хорошо, как то, что делали на императорской кухне во дворце, — но ему просто нравилось. К сожалению, Цяо Си было нелегко попасть в город, и их было трудно достать.

— Тебе, бери! — Тао Инь ухмыльнулся ему.

Цэньэр не осмеливался брать вещи от других. Шэнь Игуана в данный момент во дворе не было, поэтому он посмотрел на Цяо Си.

— Что ты на меня смотришь? — с улыбкой сказал Цяо Си. — Если хочешь, бери. Только не забудь сказать спасибо.

Цэньэр аккуратно спрятал конфету и действительно подарил Тао Иню сладкую улыбку:

— Спасибо, братец.

У него была нежная, белая кожа и благородная аура, которая явно отличала его от других деревенских детей. Чем больше Тао Инь смотрел на него, тем больше он им восхищался, и не удержался, чтобы не обнять его, пробормотав:

— Вот бы у меня в будущем был такой милый сын!

Налюбовавшись вдоволь, Тао Инь отпустил Цэньэра играть дальше. Затем с хитрым блеском в глазах и озорной улыбкой он наклонился к Цяо Си, приблизился к его уху и прошептал:

— Как у тебя дела в эти дни?

Цяо Си всё ещё усердно чистил кастрюлю и не понял, о чём он:

— Что?

Тао Инь подмигнул ему:

— Не притворяйся! Ты уже женат на мужчине — не говори мне, что ты всё ещё не понимаешь?

Цяо Си был озадачен:

— ...?

Видя, что он всё ещё не понимает, Тао Инь нетерпеливо топнул ногой и выдал бомбу:

— Что же ещё я могу иметь в виду!?

— Я говорю о... о тебе и твоём мужчине, о том самом — как это ощущается? Это интенсивно?

— Он грубый? У него большой? Тебе больно?

Говоря это, он снова пробормотал про себя:

— Он выглядит примерно того же роста, что и Шань-Дагэ, и такой же крепкий — думаю, у них в этом плане они примерно равны.

— Если... если даже твоё маленькое тело может это выдержать, то я уж точно справлюсь с Шань-Дагэ...

Не успел он договорить, как Цяо Си, наконец понявший, о чём речь, зажал ему рот рукой.

Господи помилуй...

Цяо Си нервно оглянулся на Цэньэра, убеждаясь, что ребёнок всё ещё счастливо жуёт свою конфету и не слышал бесстыдных слов Тао Иня. Только тогда он с огромным облегчением выдохнул.

Он был практически оцепенел.

Мало того, что древний альфа/бета/омега-сеттинг был абсолютно безумным, но и каждый человек в этом месте был безумен.

Сначала тётушка Чжун с энтузиазмом рекомендовала групповые игры, а теперь этот неженатый парень с лицом младенца говорит возмутительные вещи среди бела дня.

Если это действительно был мир из книги, трудно было не усомниться в душевном состоянии автора.

<http://bllate.org/book/17973/1728711>